

Секция 38
«Структурная организация текста»

Содержание:

Андрусенко Т.В. ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.....	3159
Болдырева Э.Т. ДИНАМИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО НАПОЛНЕНИЯ В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ.....	3167
Ичкинеева Д.А. ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ ДИСКРЕТИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА.....	3176
Ласица Л.А. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	3182

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Андрусенко Т.В.

Оренбургский Государственный Университет г.Оренбург

В конце двадцатого века происходит сближение позиций представителей разных наук: философии, социологии, психологии, лингвистики, в фокусе их интереса становится человек, его когнитивная деятельность. Средством для ее изучения выбирается текст, как инструмент, позволяющий выявить механизмы познания, определить аксиологические доминанты представителей разных языковых сообществ, определить механизмы осуществления социальной коммуникации. Текст – уникальный объект, позволяющий наиболее адекватно проследить движение мысли. В процессе познавательной деятельности мы воспринимаем информацию, декодируя чужой текст. Согласно Ж. Делезу, научиться – это, прежде всего, рассмотреть материю, предмет, существо, как если бы они испускали знаки для дешифровки, для интерпретации [Делез, 1999: 29]. Чтобы понять произведение, нужно соединить знаки и смысл. Мысль способна разъяснить знак, развернуть его в понятие только потому, что понятие свернуто в знаке [Делез 1999: 125].

Цель статьи – проследить эволюцию идей изучения текста, трансформацию подходов к определению объекта и методик его исследования.

Понятие текст интерпретируется по-разному, его понимание варьируется в зависимости от принадлежности ученого к той или иной науке, той или иной лингвистической школе [А.Вежбицкая 1996; Л.С. Выготский 2005; Гальперин 2008; Т.М.Дридзе 1984; Е.С. Кибрик 1987; Е.С. Кубрякова 2001; W. Labov 1972 ; К. Леви-Стросс 1958; В.А. Маслова 2007; П. Риккер 1969].

С философской точки зрения, текст – это основной источник познания [Ж. Делез; А. Б. Дюков 2005; Е.И. Кукушкина 1984; Г. Кюнг 1999; П. Риккер 1969]. «Цель прочтения текста – совершить интерпретацию, объяснить, истолковать. Мы ищем истину тогда, когда конкретная ситуация вынуждает это сделать, когда мы подвергаемся в некотором роде насилию» [Делез Ж., 1999, с.37]. Связь между субъектом и объектом познания осуществляется путем репрезентации знания и закрепления в значениях языка его объективных смыслов. Только потому знания индивида становятся достоянием социума, что они из субъективного состояния переходят в состояние объективированного знания.

Психологи выдвигают на первое место взаимодействие мышления и речи, постулируя факт невозможности передачи информации собеседнику если он не владеет умением обобщать [Беккер 1978, Беркмайер 1985, Л.С. Выготский 2005, Лакруа 1994 , А.А. Леонтьев 1999, Шапиро, 1990].

Главная задача психолингвистов – определить механизмы, с помощью которых происходит продуцирование текста и его интерпретация [Беккер, 1978, Беркмайер, 1985, Шапиро, 1990, Лакруа, 1994]. Понять текст – значит

построить связное представление о ситуации, созданной на основе текста. Эта ситуация характеризуется с одной стороны отношением говорящий – адресат, с другой стороны целью высказывания.

Чтобы построить текст необходимо передать нелинейный мыслительный образ в линейную последовательность сообщения, перейти от структуры символических единиц к упорядоченной последовательности языковых единиц. Обратный процесс имеет место, когда необходимо понять чей-то текст. Процесс понимания стремится восстановить образную интегративную структуру из линейной языковой последовательности [Coirrier 1996: 254]

Представители когнитивной лингвистики воспринимают художественный текст как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности. Эти знания воплощаются в виде индивидуально–авторской картины мира, чтобы выявить присущие тексту концепты, его ментальную сущность [Караулов, 1987; Серебрянникова, 1990]. Понимание речи базируется на идее пропозиции (предиката) и аргументов (дополнения). Высказывание представляет собой систему пропозиций «правила согласования» организуют пропозиции в семантическую сеть. «Целевая схема определяет структуру высказывания на глубинном уровне» [Кинч, 1978: 127]. При когнитивном подходе в качестве макрокомпонента текста выделяют денотативное содержание, которое позволяет выявить отображенный в тексте объективный мир. Мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь» Несмотря на то, что понимание произведения разными читателями варьируется, общий семантический базис ограничивает личностную интерпретацию текста. Он может быть выражен эксплицитно при помощи выводов, авторских ремарок, ключевых слов в начале либо в конце эпизода.

В проблемном поле социолингвистики находятся вопросы употребления языка в обществе, анализ дискурса [Бенвенист 1966, Д. Гамперс 1982, Лабов 1972, Марселлези 1971, Е., Baylon 2002, Cohen 1956]. Задача социолингвистики описать различия, которые существуют в языковом сообществе в связи с его социальной принадлежностью, она изучает язык в его социолингвистическом контексте [Baylon 2002: 35]. Д. Хаймс в 1982 году ввел понятие «коммуникативная компетенция», он утверждает, что знание языка, языковой системы недостаточны для эффективной коммуникации; необходимо знать, как ее использовать в соответствии с социальным контекстом» [Hymes 1982: 23].

Представители этого лингвистического течения проводят четкую границу между языком и дискурсом. Язык – это завершенная, устоявшаяся система элементов, относительно стабильная, инструмент общения, система правил и знаков – инструмент социального взаимодействия. В реальной ситуации общения мы выбираем тот вариант языковой формы в зависимости от того, к кому мы обращаемся [Baylon 2002: 71]. Для дискурса свойственна некоторая креативность, языковые единицы могут приобретать контекстуальные значения.

Представители структурализма выделяют в текстах два уровня [Барт.Р., 1987; Греймас А.Ж., 1996; Ельмслев Л., 1999; Лакан Ж., 1997; Леви-Стросс К., 1958]:

1. Явный или поверхностный, который можно наблюдать.
2. Неявный или глубинный – структурный.

Два основных принципа определяют структурный подход: принцип структурного объяснения; принцип бессознательности структуры.

Структура – целое, образованное взаимосвязанными элементами, т.е. то, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является только благодаря отношениям к другим элементам [Lalande, 1993: 1031-1032].

С точки зрения лингво-культурологического подхода изучаются стратегии интерпретации текста языка источника и языка перевода [Арутюнова А.Д. 1990, 1998, Вежбицкая А. 1996, 1999, Верещагин Е.М. 1996, 1999, Лихачев Д.С. 1997 Телия В.Н. 1996, Тер-Минасова С.Г. 2000]. Главным постулатом выступает утверждение того, что «Язык не существует вне культуры т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир 2007: 185]. Текст при таком подходе становится связующим звеном между лингвистикой и культурологией [Вежбицкая 1971: 322].

Главной заслугой традиционного подхода изучения текста является установление сущностных характеристик объекта: целостность, связность, темпоральность, локативность, интенциональность, модальность, тем самым, подготовив почву для развития общей теории текста.

Е.С. Кубрякова выделяет целостность и связность как главные текстовые категории. Целостность – единство текста, его способность существовать в коммуникации как внутреннее и внешне организованное целое. По ее определению текст – это информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного на своего адресата [Кубрякова 2001: 72-81]. Одной из ключевых характеристик является его интенциональность, текст создается для осуществления замысла автора. Текст имеет четкие физические границы, что нельзя сказать о семантической стороне. Каждый текст порождает новый текст – новую интерпретацию, что входит в понятие интертекстуальности. Текст создает семантическое, точнее семиотическое пространство. Текст – это произведение, которое генерирует у адресата определенную ментальную модель, он вызывает в сознании интерпретатора ряд ассоциаций, фреймов.

Темпоральность – категория времени охватывает как объективное, так и художественное время. Художественного время отличается нарушением хронологии развития сюжета, которые имеют две формы: проспекция и ретроспекция.

Темпоральности часто взаимодействует с локативностью. Локативность – языковая интерпретация мыслительной категории пространства. Локативность реализуется при помощи лексических и синтаксических средств единицы.

Несмотря на то, что проблемой текста ученые занимаются уже с начала прошлого века, споры о существенных характеристиках этого объекта продолжаются.

Появлению общей теории текстов способствовало накопленный многими науками и направлениями языкознания материал, необходимо было его объединить и систематизировать. Если частная теория текста ставила своей задачей изучение определенных аспектов текста: культурологического, социального, коммуникативного, то общая теория текста стремится найти в тексте существенные категории, свойственные всем текстам, невзирая на их объем и жанровую принадлежность. Объектом исследования являются тексты, обладающие разнообъемными и разножанровыми параметрами (частные объявления в газетах, многотомные романы, научные статьи, электронные тексты блогов, высокохудожественные тексты, составляющие национальный фонд и тексты разговорного стиля). Использование принципиально разнообразного языкового материала направлено на нивелирование различий текстов и выявление наибольшего числа реализованных вариаций инварианта как абстрактной модели.

Каждый текст – это микроструктура. Макроструктура – совокупность наиболее встречающихся признаков текстов. На базе этих признаков реконструируется инвариантная модель. Инвариант – общая идеализированная структура, тогда как варианты – реальные структуры.

Общую теорию текста характеризует устойчивый интерес к числовым константам, пропорциям, которые манифестируются во всех без исключения текстах. В основе инварианта лежит принцип золотого сечения – пропорционального строения. Со времен Античности ученые, наблюдая определенные закономерности в природе, стремились найти универсальный закон, чтобы постичь тайны окружающего их мира. Все живое в природе стремится к гармонии. Гармонию Пифагор связывал с золотым сечением. Математик Фибоначчи нашел коэффициент золотого сечения, который равен 1,618 таково соотношения последующего числа к предыдущему для определения этапов в развитии различных природных систем, точкой отсчета выступает гармонический центр (точка, удаленная от начала на расстояние 0,618). Эта пропорция просматривается в технике, строении биологических объектов и строении текста как природной системе.

Несмотря на все разнообразие и неповторимость текстов лингвисты, занимающие этой проблемой, выделили ряд признаков – констант, объединяющие все тексты, невзирая на их размер, стилистическую принадлежность. Информационно насыщенные места совпадают с узловыми точками, чаще всего с инвариантом: 0,618. Гармонический центр выделяет наиболее важное для восприятия экспрессивно-эмоционального содержания текста.

Текст относится к открытым, нелинейным системам, т.е. к системам, способным к самоорганизации. Нелинейность – это способность неожиданных изменений интенсивности и направления течения процессов.

Системный подход к тексту позволяет использовать данные разных наук, в том числе и точных. Текст, являясь продуктом мыслительной деятельности, рассматривается как живое начало, обладает энергией своего творца. Как любой другой живой организм он рождается, проходит этапы своего становления, развития и угасания своей жизненной энергии. Текст относится к живым самоорганизующимся системам, тем самым становится объектом изучения синергетики.

Данные синергетики как науки, изучающей природные явления и процессы самоорганизации в живых системах, позволяют изучать становление, развитие текста как живой системы.

С точки зрения синергетики, процессы самоорганизации и взаимодействия элементов текста стимулируют разнородные единицы к образованию однородных структур, назначение которых – репрезентация релевантной для реципиента информации. Литература обладает способностью к саморегулированию. «Источником энергии выступает личность автора. Личность, индивидуальность способствует сохранению в литературе необходимого энергетического уровня, без которого невозможно существование искусства» [Лихачев 1989: 82-84].

Желаемое энергетическое воздействие на адресата осуществляется не только при помощи лексического наполнения, но и специально отобранной структуры. Неотъемлемым свойством текста как любой синергетической системы является его устремление к цели. Целью любого текста является разрешение проблемной ситуации [Мышкина 1998: 14].

К.И. Белоусов выделяет следующие аспекты общей теории текста: онтология текста, функционирование и теория анализа текста. Онтология текста объединяет исследования (языковедческие, психологические, философские и др.), направленные на выяснение сущностных качеств текста. Общность междисциплинарного знания обеспечивается единством онтологических свойств текста, к которым относятся пространственно-временное существование текста, его одновременное материальное (физическое) и идеальное существование, сукцессивно-симультанную организацию, функциональность и целостность. Функционирование текста изучает бытование текста в социуме и культуре: типы текстов, порождение и рецепция текстов в разных коммуникативных ситуациях и др. Теория анализа текста комплексом теоретико-методологических проблем, связанных и с онтологией, и с функционированием, и с типами модельных описаний текста.

Базой является системно-деятельностный подход. Содержание текста вырастает из целостной деятельности интерпретатора, сама же деятельность предстает как целенаправленная, организованная последовательность приемов, действий, операций, объединенных разными методами и подходами [Белоусов 2005:13].

При системном подходе изменились приоритеты в изучении проблемы текста. Теперь в материальной стороне текста исследователи находят его идеальную (семантическую) сторону. Создатель текста структурирует материю текста в соответствии с природой языковой материи, опираясь на формальные

показатели текста: преобладание на определенных участках изучаемого объекта симметричных либо асимметричных тенденций.

Современную лингвистику отличает стремление найти алгоритмы, позволяющие при помощи математических расчетов найти в тексте его константы: позиции в соответствии с правилом золотого сечения.

Таким образом, критериями изучения текста является симметрия и асимметрия языковых знаков. Б.М. Гаспаров эксплицирует симметрию как средство, скрепляющее отдельные части, создающее равновесие в тексте [Гаспаров 1993: 275-303].

И.Ф. Овчинников определяет симметрию как внешнюю гармонию в очертаниях предметов, повторяющуюся правильность. По мнению ученого выпадение тех или иных элементов симметрии не означает выпадение симметрии вообще, но указывает лишь на необходимость выявления новых форм симметрии, т.е. восстановление симметрии как таковой, всегда будет связано с изменением физической картины реальности, с ее обогащением [Овчинников 1978: 5–46]. Асимметрия – понятие противоположное симметрии, которое отражает существующие в объективном мире нарушения равновесия, связанные с изменением, развитием, вызываемые перестройкой организации или отсутствием составных частей целого, совокупность которых находилась в определенном, равновесном состоянии [Готт 1988: 281].

Симметрия и асимметрия в языке функционируют в состоянии неустойчивого равновесия, наблюдается движение то к симметрии, то асимметрии. Симметрии в языке способствует стремление к однообразию, выравнивание по аналогии, что вытесняет асимметрию. Противоположная тенденция движение к асимметрии имеет место, когда в системе появляется элемент нового качества [Стоянова 2004: 86-95].

Устойчивые связи между уровнями текста придают тексту характер инварианта. Чтобы общая структура текста сохраняла информативность, она должна постоянно выходить из состояния автоматизма, в то же время только элементы, поставленные в предсказуемые последовательности, могут выполнять коммуникативную задачу [Лотман 1970: 95]. Проявлением симметрии текста выступает повтор, который придает целостность композиции. Отсутствие повторов характеризует асимметрию.

Благодаря повтору усиливается эмоциональное воздействие на читателя, их цель сконцентрировать внимание на важной информации [Москальчук 2003: 19]. Частые повторы характеризуют сильные позиции и наоборот низкая частота повторов в слабых позициях. Текст стремится к симметрии, но никогда ее не достигает, так как снижается информативность текста. Абсолютная симметрия означала бы остановку развития разрушение системы, отсутствие новой информации. Смысловая предсказуемость резко возрастает по мере движения в тексте от его начала к концу. Наиболее значимые элементы располагаются в конце [Лотман 1998: 118].

В синергетической системе спонтанные процессы играют значительную роль. Высокий уровень разнообразия структурных составляющих системы, наличие свободы у ее элементов обуславливают гибкость, подвижность,

способность к самовосстановлению, что придает системе устойчивость [Сороко 1984: 20]. Это свойство Н.Л. Мышкина называет динамической системностью, т.е. способностью текстовой системы, несмотря на ее развитие сохранять тождественность самой себе [Мышкина 1998: 89].

По мнению И.В. Высоцкой синергетический подход изменил отношение к системным и асистемным явлениям в языке, поскольку синергетический подход базируется на представлении об открытости систем, динамичности. При таком подходе асистемные явления становятся закономерными, исполняя роль периферийных явлений, тогда как системные роль ядерных явлений [Высоцкая 2007: 25-27]. Ядерные структуры – частотные структуры, тогда как периферийные не закрепившиеся в системе. Системные – ядерные структуры, асистемные – периферийные.

Ядерные явления, обладающие полным набором признаков, составляют основу системы, тогда как промежуточные явления выполняют связующую роль. В связи с динамикой языка элементы системы могут в определенный момент утратить связь с системой и стать асистемными, и наоборот асистемные элементы могут постепенно войти в систему. Причины этому следует искать во взаимодействии языка и мышления. Асистемное в языке и речи может стать частью системы в процессе развития языка и мышления. Энергией текста управляют два фактора: системный (симметрия) и внесистемный (асимметрия). Симметрия придает тексту стабильность, Асимметрия же является средством, которое выводит текст из состояния равновесия.

Итак, на протяжении всего двадцатого века текст был объектом пристального внимания со стороны представителей разных наук: философии, психологии, социологии, лингвистики. Исследователи изучали разные аспекты текста, решая проблемы кодирования и декодирования информации, языковой картины мира, дискурса и др. На современном этапе развития филологических идей актуальным становится поиск единого языка и общих принципов описания структурообразования предложения и текстовых последовательностей (предложений и единств различной природы и назначения).

Литература:

1. Белоусов, К.И. Текст: пространство, время, темпоритм / К.И. Белоусов: монография. – Новосибирск: Сибирские огни, 2005. – 248 с.
2. Высоцкая, И.В. А есть ли асистемное? / И.В.Высоцкая // Системное и асистемное в языке и речи: Материалы Международной научной коференции / Под ред. М.Б.Ташлыковой. –Иркутск: Изд- во Иркутск.гос.ун- та, 2007. – С. 25– 27.
3. Гаспаров, Б.М. Структура текста и культурный контекст // Б.М. Гаспаров. – М.: Наука, 1993. – С. 275–303.
4. Ж. Делез Марсель Пруст и знаки. /Ж. Делез. – СПб.: Алетейя, 1999. - 190 с.

5. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – Т.1. – М.: Просвещение, 2001. – С. 72-81.
6. Кукушкина, Е.И. Познание, язык, культура / Е.И. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1984 – 264 с.
7. Лихачев, Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высш. школа, 1989. – 208.
8. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
9. Мышкина, Л.Н. Внутренняя жизнь текста / Л.Н. Мышкина. – Пермь Изд-во Пермского университета 1998 – 152 с.
10. Овчинников, И.Ф. Симметрия – закономерность природы и принцип познания / И.Ф. Овчинников // Принципы симметрии. Историко-методологические проблемы / Под ред. Б.М. Кедрова, И.Ф. Овчинникова. – М: Наука, 1978. – С. 5– 46.
11. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э.Сепир. – М.: Директмедиа Пабблишинг, 2007. – 447 с.
12. Baylon, C. Sociolinguistique [Текст] / C.Baylon. – Paris : Nathan, 2002. – 304 с.
13. Hymes, D Vers la compétence de communication [Текст] / D. Hymes. – University of Pennsylvanis Press, 1982.
14. Labov, W Sociolinguistics patterns [Текст] / W Labov. – University of Pennsylvanis Press, 1972.

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО НАПОЛНЕНИЯ В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ

Болдырева Э.Т.

Оренбургский государственный университет, Оренбург

Данная статья представляет собой обзор результатов исследования корпуса текстов (1000 текстов разнородной жанрово-стилистической природы), выполненного в рамках позиционного аспекта общей теории текста. При помощи метода позиционного анализа текста, подробно описанного Г.Г. Москальчук [Москальчук] и развитого в работах ряда исследователей [Белоусов; Дорофеева; Замашанская; Ионова; Моисеева; Рылова и др.], были выявлены 110 разнообразных способов организации формы текста, которые позволили нам зафиксировать формы изучаемых текстов в виде свернутых моделей. Область креативного аттрактора [Болдырева] не имеет инвариантного места локализации и отличается подвижностью. Варианты позиционирования аттрактора в тексте поддаются систематизации. Обратимся к рассмотрению динамического распределения лингвистического наполнения в текстах различных моделей (подробнее о динамических моделях – см.: Москальчук).

Область креативного аттрактора (КА) не является прикрепленной к конкретной позиции в тексте и может локализоваться в любой его части в зависимости от симметричности / асимметричности позиционного среза или позиции относительно границ предложений внутри текста.

По мнению Г.Г. Москальчук, по характеру ориентации и взаимодействия границ в точечных аттракторах, представленных позициями гармонический центр зоны начала (ГЦн) и гармонический центр (ГЦ), и абсолютного начала (Абс.Н) и конца текста (Абс.К) можно предсказывать возможное поведение структуры целого [Москальчук: 195]. Рассмотрение взаимодействия между ГЦн и ГЦ как кульминативными позициями, Абс.К. и Абс.Н., обладающими жестко детерминированными границами в структуре текста, является основой для анализа функциональных возможностей модели. Исследователь рассматривает связи, возникающие между позициями Абс.Н. – ГЦн – ГЦ – Абс.К., в результате чего выделяет 5 тенденций динамической организации процесса формообразования, определяющиеся по наиболее предсказуемым позициям текста: статичность, началостремительность, центростремительность, концестремительность и ГЦ-стремительность [там же].

Так, **статичность** структуры текста проявляется в стабильной, и мало информативной модели, точечные аттракторы которой представлены сочетанием позиций 0 – 0 (ср.: /20202/, /20001/, /20102/). Однако в нашей выборке тексты статичной модели не многочисленны и вероятность их появления составила один текст на тысячу.

В текстах **началостремительной** модели наблюдается «повышенное синтагматическое напряжение в начальных интервалах и постепенное его ослабление к концу» [Москальчук: 196], что маркируется сочетанием 1 – 0, 0 –

1, 1 – 1 в позициях точечных аттракторов. В текстах, форма которых описана при помощи началостремительной модели, наиболее частотной областью локализации максимальной плотности циклов, а, следовательно, и креативного аттрактора является интервал пред-ГЦн. В изучаемой выборке было обнаружено 290 текстов данной модели на тысячу. Наиболее частотными в данной выборке являются модели формы текста /21111/ и /21112/. Из числа всех моделей 80 процентов представлено повторяющимися моделями и лишь 20 процентов составляют сценарии, встретившиеся в выборке один раз.

Концестремительная модель структуры текста характеризуется смещением области наивысшей плотности циклов к концу текста и восходящей динамикой его формы. Позиции ГЦн и ГЦ представлены сочетаниями 2 – 2, 0 – 2, 2 – 0. Было выявлено 215 текстов, форма которых описана при помощи концестремительной модели. Наиболее частотными являются следующие модели: /22122/ и /22121/. Из всей выборки 59 процентов составляют повторяющиеся модели, 38 процентов представлено моделями, отмеченными один раз.

ГЦ-стремительность представлена сочетаниями 0 – 1, 1 – 1, 1 – 2, 2 – 1 в позициях точечных аттракторов. По мнению Г.Г. Москальчук, данная модель «является оптимизирующим фактором восприятия целого» [Москальчук: 197].

Центростремительность формы текста характеризуется расположением наивысшей плотности циклов между точечными аттракторами, что маркируется сочетаниями 1 – 2, 2 – 1. Тексты центростремительной модели составили выборку 486 текстов из тысячи. Модели /22211/ и /22111/ представляют наиболее частотные варианты развертывания структуры целого текста. Из числа всех текстов центростремительной модели 78 процентов являются повторяющимися.

Рассматривая языковое наполнение интервалов текста, мы будем принимать во внимание тексты, форма которых описана при помощи началостремительной, концестремительной и центростремительной моделей. Статичная модель не рассматривается нами в силу небольшой вероятности появления текстов данной модели. ГЦ-стремительность, в соответствии с сочетаниями, характеризующими точечные аттракторы текстов, обнаруживается и в выборке текстов, представляющей центростремительность. В связи с этим, тексты, характеризующиеся ГЦ-стремительностью формы, были включены в выборку «центростремительная модель».

Выборки текстов, форма которых описывается при помощи каждой из моделей, были изучены относительно параметров: 1) наполнение интервалов текста различными частями речи; 2) оценка эмоционально-экспрессивных признаков лексических единиц интервалов текстов; 3) анализ средств выражения модальности; 4) оценка синтаксических структур; 5) анализ связности изучаемых зон текста между собой; 6) изучение ритмико-интонационного контура текстов [Болдырева].

В текстах **началостремительной** модели область креативного аттрактора смещена к началу, следствием чего становится отсутствие зоны, предшествующей КА (пред-КА). Наиболее частотным интервалом локализации

аттрактора является пост-ГЦн. Началостремительная модель представлена следующим распределением языковых маркеров в текстах выборки.

Область аттрактора характеризуется доминированием таких параметров наблюдения как имя существительное, экспрессивное существительное, прилагательное и глагол, полное и краткое прилагательное, степени сравнения прилагательных, причастие, сослагательное и повелительное наклонение, формы настоящего и будущего времен глагола, аббревиатура. На синтаксическом уровне обнаруживается преобладание следующих фактов языка: сочинительный и подчинительный союзы, вводные конструкции, сложносочиненное предложение и предложение с однородными членами, а также обособленный оборот, вставная конструкция.

В зоне, следующей за КА (пост-КА) зафиксирована наибольшая концентрация деепричастий, числительных, местоимений, глаголов, форм сослагательного наклонения глагола, форм прошедшего времени, инфинитива и наречия. Частицы, междометия, модальные слова и обращение также имеют тенденцию к локализации в области пост-КА. Данный интервал характеризуется доминированием простых, эллиптических, сложноподчиненных и бессоюзных сложных предложений. Инверсия, анафорические повторы и цитации также доминируют в зоне, следующей за аттрактором.

В качестве примера приведем текст письма, написанный девушкой своему возлюбленному. В данном тексте содержится 42 словоформы, и его форма может быть описана при помощи началостремительной модели (формула текста – /10011/). Плотность циклов в данном тексте составила: 4 – 3 – 3 – 3 – 2 – 1.

«Дорогой, мне следует сразу тебя предупредить... / Мы должны расстаться». И кто придумал все эти расставания и ^ объяснения? Ну почему люди просто не могут уйти тихо И без слов? Мне этого никогда не понять. Наверное, такова жизнь. За счастье ^ тоже нужно платить. Слезами и разочарованием...

Записка о расставании

Креативный аттрактор локализуется в зоне зачина (выделен в тексте подчеркиванием) и соответствует фразе *Дорогой, мне следует сразу тебя предупредить ...* Данная фраза на фоне остальной части текста является установкой, настраивающей на серьезный и непростой разговор между двумя людьми. Далее в тексте следует изложение (развертывание первичной установки) того, о чем автор хочет предупредить адресата письма.

Многие тексты началостремительной модели характеризуются подобным языковым содержанием зоны аттрактора, т.е. наличием установки на дальнейшее развертывание заданной проблемы. Например, текст «Юбилей года» (газета «Комсомольская правда», 2000) начинается фразой *«Сразу признаемся: имени юбиляриши мы не знаем. Вы, кстати, тоже, хотя сама она, несомненно, вам известна. Так уж вышло, что вслед за автором мы все называем эту несовершеннолетнюю авантюристку по приметной детали ее гардероба – Красной Шапочкой ...»* Первое предложение, представляющее креативный аттрактор текста, содержит в себе, с одной стороны, установку, а, с

другой стороны, парадокс: отсутствие информации об объекте повествования делает коммуникацию между автором и читателем бессмысленной. Однако далее ситуация получает свое развертывание и выясняется, что имя юбилярши вполне известно каждому с детства, благодаря чему достигается связность между частями текста.

Креативный аттрактор также характеризуется увеличением концентрации маркеров эмоционального пространства текста. Например, в тексте «Выведен стрекозел!», форма которого описана при помощи началостремительной модели (формула текста: /21211/), креативный аттрактор расположен в интервале пред-ГЦ (плотность циклов: 4 – 8 – 7 – 9 – 6 – 3). В тексте область аттрактора выделена подчеркиванием.

*Путем введения в хромосому эмбриона козы гена / стрекозы наконец выведен **столь** любимый в нашем фольклоре стрекозел. Он ^ сохранил бодливость, по-прежнему не дает молока, зато передвигается **ПО ВОЗДУХУ**, правда низко. Продолжаются опыты по выведению змея для использования вместо колючей проволоки ^ на новых границах нашей родины с ближним Зарубежьем.*

Крокодил №7, март 2004

Начало текста выполняет вводную функцию, сообщая, что *выведен **столь** любимый в нашем фольклоре стрекозел*. Формально все словоформы текста согласованы, однако, смешение лексики и синтаксиса научного стиля, псевдонаучных слов, созданных по аналогии с терминами (ср.: *бодливость; передвигается по воздуху* вместо *летает*), неологизмов, образованных путем сложения частей слов, и, как следствие, нарушение валентности, приводит к общему комичному эффекту. Понимание того, что контекст является псевдонаучным, осуществляется в зоне аттрактора с введением *качеств* нового животного.

Следует отметить, что креативный аттрактор часто представляет собой фрагмент текста, обобщающий содержание предыдущей и последующей частей сообщения. Форма текста «Турагентство «Мир путешествий» ... » характеризуется расположением креативного аттрактора в зоне зачина (формула текста: /11111/).

*Турагентство «Мир путешествий» приглашает вас / в романтическое свадебное путешествие! Весь мир у ваших ног: от классики ^ до экзотики! Главная наша забота – превратить ваш медовый **МЕСЯЦ** в незабываемый праздник! Это не только высочайшее качество предлагаемых ^ услуг, но и бесконечное качество!*

Журнал Узы Гименя

Область аттрактора содержит фразу *Турагентство «Мир путешествий» приглашает Вас ...* Именно эта фраза представляет цель всего высказывания (сообщение о том, что данная организация нуждается в клиентах). Остальная часть текста является последовательным развертыванием этого сообщения с подробной детализацией. В данном тексте выдвижение содержания креативного аттрактора осуществляется не столько благодаря высокой степени выразительности и экспрессивности, сколько, наоборот, благодаря сообщению фактической информации об агентстве, передаваемому в данной части текста. Это позволяет сделать вывод о том, что выдвижение области креативного аттрактора может реализовываться благодаря различным *контрастам*

(чередование экспрессивной и нейтральной лексики или синтаксических конструкций, смена языковых средств, характерных для различных функциональных стилей, варьирование типа синтаксической связи).

Тексты **концестремительной** модели имеют наибольшую плотность циклов в конце текста. Наиболее частотными по занятости креативным аттрактором в текстах концестремительной модели являются интервалы пост-ГЦн, пост-ГЦ и Конца. Тексты данной модели характеризуются постепенным нарастанием плотности циклов от середины с последующим стабильным поведением в остальной части текста. Концестремительная модель развертывания структуры текста отличается отсутствием зоны пост-КА.

На языковом уровне интервал текстов концестремительной модели, предшествующий аттрактору, представлен доминированием маркеров следующих фактов языка: имя существительное, сравнительная степень прилагательных, числительное, повелительное наклонение глагола, формы прошедшего и настоящего времен глагола. Междометие, модальные слова, вводные конструкции, стилистическая инверсия и аббревиатура характеризуются максимальной концентрацией в данной части текста. На синтаксическом уровне пред-КА отличается преобладанием простых, эллиптических, односоставных и сложноподчиненных предложений.

Креативный аттрактор характеризуется наибольшей концентрацией экспрессивных существительных, прилагательных и глаголов. В среднем 77 процентов всех экспрессивных слов в тексте зафиксировано в области аттрактора. Полное и краткое прилагательное, а также превосходная степень сравнения получают также выплеск в этом интервале. Также область аттрактора аккумулирует такие языковые единицы как деепричастие, местоимение, глагол, изъявительное наклонение глагола, формы будущего времени и наречие. На синтаксическом уровне аттрактор концестремительной модели представлен наибольшим числом маркеров сочинительной и подчинительной связи, сложносочиненными и бессоюзными сложными предложениями, также предложениями с однородными членами. Частицы, обращения, анафорические повторы, обособленные и вставные конструкции, риторический вопрос и цитация отличаются максимальной концентрацией в данной части текста.

Например, стихотворение «*Дядя Боря говорит ...*» К.И. Чуковского (формула текста: /22221/) характеризуется концестремительной динамикой формы и локализацией аттрактора в конце текста (плотность циклов: 6 – 5 – 3 – 2 – 1 – 4). В тексте креативный аттрактор выделен подчеркиванием.

*Дядя Боря говорит, / Что / Оттого / он так **сердит**, / Что / Кто-то на пол уронил / Банку, полную ^ чернил, / И оставил на столе / деревянный пистолет, / Жестяную **ДУДОЧКУ** / И складную удочку (1). / Может, это серый кот / Виноват (2)? ^ / Или это черный пес / Виноват (3)?*
К.И. Чуковский

В тексте содержатся три предложения (номер предложения дан в скобках). Первое предложение является сложноподчиненным и имеет в своем составе два придаточных предложения. Вход в область креативного аттрактора маркируется появлением однородных дополнений и, как результат, сменой

ритма текста. Второе предложение характеризует качественный переход на новый уровень сложности структур. Количество ударных слогов здесь увеличивается, и ритм скачкообразно изменяется на более быстрый.

Похожая смена ритма наблюдается и в тексте «Молоток» К.И. Чуковского (формула текста: /22221/). Креативный аттрактор расположен в интервале пост-ГЦ (плотность циклов: 6 – 5 – 3 – 2 – 1 – 4).

Я им стучу, стучу, / стучу, / Я гвоздик им заколочу, / Я табуретку ^ им собью, / Я им подкову САМ скую (1). / Он честный друг, / Он лучший ^ друг – / Моих рабочих рук (2).

К.И. Чуковский

Первое предложение является сложным бессоюзным, каждая часть которого содержит параллельные конструкции «я сделаю что-то». Конец данного предложения характеризуется добавлением к этой конструкции слова САМ. Появление этого местоимения маркирует интонационную и эмоциональную кульминацию текста. Кроме того, эта словоформа занимает позицию гармонического центра текста и является входом в зону креативного аттрактора. Далее в этой области текста плотность эмоционального фона продолжает нарастать благодаря использованию параллельных синтаксических конструкций и приема персонификации. Ступенчатое нарастание смыслов происходит из-за качественного изменения употребления прилагательного сначала в положительной степени (*Он честный друг*), а затем – в превосходной (*Он лучший друг*). Конец зоны аттрактора отмечен высокой эмоциональностью и представляет собой высшую точку интонационной структуры текста. Конец текста на фоне напряженности креативного аттрактора воспринимается как область снижения и расслабления.

Часто в креативном аттракторе содержится информация, подводящая итог всей предыдущей части текста. Текст «Разговоры ни о чем ...» (модель формы текста: /12122/) характеризуется локализацией аттрактора в интервале пост-ГЦ (плотность циклов: 3 – 2 – 2 – 2 – 1 – 3).

Разговоры ни о чем, бесцельные блуждания мыслей в голове (1). / На полу разбросаны вещи, книги на всех полках, а на душе усталость (2). ^ Пусто внутри оттого, что больше нечего писать, в голове ТУМАН; вся жизнь не может так пройти (3). Нельзя всю жизнь ^ смотреть на мир формулами (4). Все это пустое (5).

Односоставные предложения с однородными членами в начале текста характеризуют прямой поток сознания автора, и дают ассоциативные связи с идеей неустроенности и неопределенности. В зоне креативного аттрактора осуществляется прояснение и решение проблемы (ср.: *вся жизнь не может так пройти*).

Рассмотренное выше языковое наполнение текстов начало-стремительной и концестремительной моделей было сопоставлено с целью выявления элементов, принадлежащих зоне креативного аттрактора независимо от его локализации. В результате сопоставления текстов концестремительной и начало-стремительной моделей была обнаружена зеркальная симметричность распределения параметров наблюдения в интервалах текстов на 57 процентов. Вероятность того, что параметры наблюдения характеризуются максимальной концентрацией маркеров в области аттрактора в начало- и концестремительной моделях, составляет около 60 процентов.

Обратимся к рассмотрению языкового наполнения текстов центростремительной модели, являющейся наиболее вероятным сценарием развертывания текста. Данная модель имеет наибольшую плотность циклов в зонах пост-ГЦн и пред-ГЦ. Интервалы текстов центростремительной модели характеризуются схожим распределением областей доминирования маркеров по сравнению с общей выборкой текстов. Вероятность симметричного расположения маркеров в интервалах текста составила 81 процент. В двух выборках текстов асимметрично распределение следующих параметров наблюдения: имя существительное, сравнительная и превосходная степень прилагательного, числительное, модальное слово, вводная конструкция, риторический вопрос и аббревиатура. Подобное соотношение позволяет считать языковое наполнение текстов центростремительной модели и текстов всей выборки тождественным. Языковое наполнение креативного аттрактора текстов центростремительной модели становится более значимым на фоне остальной части текста благодаря повторам и усилительным конструкциям. Например, стихотворение «Весенние наброски» К.И. Чуковского (формула текста: /11222/) начинается фразой *Лопнуло терпенье*, которая не дает объяснения, почему оно (терпенье) *лопнул*.

Весенние наброски

*Лопнуло терпенье: / Пенье ручейков, / Первых листьев пенье / Пение без слов (1). / Птиц / весенних пенье (2). / Нет, нельзя терпеть (3)! / **Лопнуло терпенье: / Сам хочу запеть (4)! / Если б только мы умели / Понимать язык ^ зверей, / То услышали б, наверно, / Что щебечет воробей, / Что лягушки на болоте / Громко выразить хотят, / Почему, когда УСНЕТЕ, / Мыши подполом пищат, / Что в листве поет синица / И зачем зацелкал клёт, / Почему сове не спится, / Что ^ мурлычет серый кот / И зачем в тиши лесной / Громко плачет козодой (5).***

К.И. Чуковский

Конец зоны пред-КА характеризуется усилением *Нет, нельзя терпеть!* Вход в область креативного аттрактора (КА выделен подчеркиванием) маркируется повторением первой фразы *Лопнуло терпенье*, за которой следует объяснение причины такого состояния автора *Сам хочу запеть!* Выразительность этого предложения достигается благодаря инверсии словоформы *сам*. В следующем предложении происходит смена преобладавших в зоне пред-КА бессоюзных сложных предложений на сложноподчиненное. Использование сложноподчиненной гипотетической условной конструкции (*Если б только мы умели ...*), по мнению С.Г. Ильенко, приводит к расширению семантических границ предложения, к его содержательной причастности к предыдущему и последующему изложению [Ильенко: 131].

Именно языковое наполнение зоны креативного аттрактора позволяет рассматривать его как фрагмент текста, вокруг которого отмечается «обширный радиус его действия в содержательной основе текста» [там же: 130]. Более того, воздействие креативного аттрактора на содержательную структуру текста может быть контактно-когезирующим и ассоциативно-прерывистым [термины – С.Г. Ильенко].

На завершающем этапе проведения комплексного исследования были сопоставлены все четыре выборки текстов: общая выборка всех текстов и

выборки началостремительной, концестремительной и центростремительной моделей формы текста. Основной целью данной процедуры было выявление фактов языка, инвариантно принадлежащих области креативного аттрактора, и вероятности сохранения каждого из них в том или ином интервале при наличии отклонений. *Инвариант языкового наполнения области креативного аттрактора* представлен следующими языковыми реалиями: экспрессивное существительное, прилагательное, глагол, изъявительное наклонение глагола, сочинительный союз, ССП, предложение с однородными членами, обособленный оборот и вставную конструкцию. Данные параметры наблюдения стабильно принадлежат зоне аттрактора независимо от формы текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов К.И. Текст: пространство, время, темпоритм: монография [Текст] / К.И. Белоусов; науч. ред. Г.Г. Москальчук. – Новосибирск: Сибирские огни, 2005. – 248 с.
2. Блазнова Н.А. Точечные аттракторы в структуре текста: автореф. дис.... канд. филол. наук [Текст] / Н.А. Блазнова. – Кемерово: НИУ БПГУ, 2002а. – 20 с.
3. Болдырева Э.Т. Языковое наполнение структуры русского и английского текстов в лингвосинергетическом аспекте [Текст] / Э.Т. Болдырева // Вестник Оренбургского государственного университета, 2007. – № 11. – С. 89-94.
4. Дорофеева В.А. Структурно-информационная устойчивость текста к деформации его объема: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В.А. Дорофеева. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. – 23 с.
5. Замашанская Е.С. Функциональная значимость пропорции золотого сечения в организации эмоционального пространства текста [Текст] / Е.С. Замашанская // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы III Международной научно-практической конференции (30 ноября – 1 декабря 2006 г.) / Бийский пед. гос. ун-т В.М. Шукшина. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 306 – 310.
6. Ильенко С.Г. О семантическом «радиусе действия» предложения в тексте [Текст] / С.Г. Ильенко // Теория языка, методы его исследования и преподавания / Под ред. Р.И. Аванесова, Л.В. Бондарко, Л.Р. Зиндер, В.В. Иванова, Т.М. Николаевой, В.Н. Ярцевой.. – Л.: Наука, 1981. – С. 130 – 135.
7. Ионова М.Б. Абсолютно слабые позиции текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.Б. Ионова. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2003. – 23 с.
8. Корбут А.Ю. Текстосимметрия: Монография [Текст] / А.Ю. Корбут. – Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «Иркут. гос. пед. ун-т», 2004. – 200 с.
9. Моисеева И.Ю. Принципы исследования синтаксического пространства текста как динамической системы [Текст] / И.Ю. Моисеева //

Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы III Международной научно-практической конференции (30 ноября – 1 декабря 2006 г.) / Бийский пед. гос. ун-т В.М. Шукшина. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 319 – 324.

10. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста: Монография [Текст] / Г.Г. Москальчук. – Барнаул, 1998а. – 240 с.

11. Рылова Е.В. Символ как креативный аттрактор речевого произведения (на материале текстов О.Э. Мандельштама): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.В. Рылова. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2000. – 18 с.

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ ДИСКРЕТИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

Ичкинеева Д.А.
ГОУ ОГУ, Оренбург

Считается, что естественный язык во всех своих существенных пунктах имеет прерывный характер; дискретность присуща элементам языка [Бенвенист 2002; Лайонз 2004]. В связи с этим представляется актуальным изучение проявлений способов членения действительности в языке. А так как текст – это непосредственная форма существования языка [Белоусов 2008, с. 6], то правомерным является рассмотрение категорий дискретности/континуальности структуры текста.

Текст может быть рассмотрен в нескольких аспектах. По мнению Н.А. Рубакина и Ю.А. Сорокина, такими аспектами могут стать «тело» текста (его материальное бытие) и проекция текста (его содержательно-смысловое существование) [Рубакин; Сорокин]. Такое понимание текста ставит ряд проблем, в частности, как проявляются онтологические категории континуальности и дискретности на уровне семантики и субстрата текста. Дискретность материального уровня текста репрезентируют такие элементы членения текста как предложения и абзацы. Остаются невыясненным, каким образом осуществляется дискретизация на уровне семантики текста.

Данная статья посвящена рассмотрению стратегий дискретизации семантического пространства текста.

На наш взгляд, рассмотреть способы дискретизации семантического пространства текста можно при помощи метода *семантического картирования текста*, созданного для количественного моделирования его семантической организации. [Белоусов 2008, с. 227].

Перед информантами ставились задачи: 1) прочесть текст, определить его тему; 2) выделить микротемы текста и назвать их; 3) к каждой микротеме выписать слова, представляющие ее в тексте. Количество групп и слов в группах полагалось произвольным. Задания выполнялись каждым испытуемым индивидуально. Время проведения эксперимента не ограничивалось. Реципиентами выступили студенты-филологи 1-5 курсов.

В качестве материала был взят текст И.А. Бунина «Русь» [Бунин 1992, с. 198].

Русь

Старуха приехала в Москву издалека. Свой северный край называет Русью. Большая, бокастая, ходит в валенках, в теплой стеганой безрукавке. Лицо крупное, желтоглазое, в космах толстых седых волос, – лицо восемнадцатого века.

Спросил ее как-то:

– А сколько вам лет будет?

– Семьдесят семь, господин милый.

– А вы, дай Бог не сглазить, еще совсем хоть куда.

– А что ж мне? Это года не велики. Наш родитель до ста лет дожил.

Чаю она не пьет, сахару не ест. Пьет горячую воду с черным хлебом, с селедкой или солеными огурцами.

– Вы никогда, небось, и не хворали?

– Нет, трясовица была на мне, порча на мне была. Мужа страшилась: как он ко мне с любовным чувством, меня и начинало трясти, корезить. Сжечь бы ее, ту, что напустила на меня это!

Слово «сжечь» одно из ее любимых. Про большевиков говорит очень строго:

– Не смеют они так про Бога говорить. Бог наш, а не их. Сжечь бы их всех!

Ее рассказы о родине величавы. Леса там темны, дремучи. Снега выше вековых сосен. Бабы, мужики шибко едут в лубяных санках, на кубастых лохматых коньках, все в лазоревых, крашеного холста тулупах со стоячими аршинными воротами из жестокого псиного меху и в таких же шапках. Морозы грудь насквозь прожигают. Солнце на закате играет как в сказке: то блещет лиловым, то кумачовым, а то все кругом рядит в золото или зелень. Звезды ночью – в лебяжье яйцо.

Тема текста репрезентирует целостность текста, микротемы – субцельности (термин Л.В.Сахарного), то есть интегральные компоненты (или макрокомпоненты) членения семантического пространства текста. При этом количество микротем является *показателем степени членения* семантического пространства. В ходе эксперимента наблюдался весьма большой разброс количества выделенных микротем (от 2 до 16). Для нас же интересны данные, которые в наиболее заостренной форме отражают проявления дискретизации / континуализации, т.е. «полярные» случаи.

Для того, чтобы определить какие реакции являются «полярными» было подсчитано среднее количество микротем (8,4), и стандартное отклонение (4,4). Проявлениями определённой стратегии членения считались показатели, превышающие следующее значение: среднее количество микротем \pm стандартное отклонение. Таким образом «полярными» случаями для текста «Русь» являются микротемы, численные показатели которых больше 12,8 и меньше 4, то есть 13,14,16 и 2,3 микротемы. Дискретизация цельности на 2 или 3 субцельности является признаком синтетического способа членения, на 13-16 – аналитического.

Мы рассмотрим реакции, относящиеся к проявлениям «чистого» аналитизма и синтетизма.

Синтетизм (минимальная дискретность):

2 микротемы (1 информант, Ии. П.М.):

Природа (леса там темны, дремучи; вековые сосны; морозы грудь насквозь прожигают; звезды, ночью в лебяжье, яйцо);

Образ жизни (чаю не пьёт; сахару не ест; пьёт горячую воду с чёрным хлебом; едут в лубяных санках; крашеного холста тулупах со стоячими аршинными воротами из жёсткого псиного меху и таких же шапках).

В приведённой реакции информанта курсивом выделены названия микротем, в скобках – слова, репрезентирующие микротему в тексте.

В данной реакции информант выделяет микротемы *Природы* и *Образа жизни*. Семантическое пространство микротемы *Природа* представлено образами мира растений (леса, сосны), животных (лебяжье, яйцо), космического пространства (звёзды), явлений природы (морозы), которые

реализуют своё семантическое значение через образ человека (грудь насквозь прожигают). Таким образом, информант, применяющий синтетическую стратегию членения семантики текста, связывая в одной микротеме несколько образов, объединяет их, в процессе осмысления синтезирует понятия, обозначающие растения, животных, человека и космос, при этом каждый из этих образов является частью другого. Показательным является и то, что информант в данной микротеме выделил слова, образующие целые предложения в тексте (Леса там темны, дремучи; морозы грудь насквозь прожигают; звезды ночью – в лебяжье яйцо.), и делает он это осознанно, так как при перечислении слов микротемы отделяет каждое предложение точкой с запятой, то есть нерасчленённость семантического пространства в данной реакции представлена нерасчленённой синтаксической структурой.

Микротема *Образ жизни* включает слова, относящиеся к описанию как образа жизни старухи, так и образа жизни народа – информант объединяет в общем семантическом пространстве образы старухи и народа (представителем которого она и является). При выделении данной микротемы наблюдается та же тенденция континуализации семантического пространства при помощи воспроизведения структуры предложения. Подтверждением этому служит и то, что информант выписывал целые отрывки предложений с предлогами и союзами, а также то, что *слова выписаны в той грамматической форме, в какой они представлены в тексте*. То есть информант, выделяя микротему образа жизни, связывает её с другими семантическими полями текста.

Всё вышесказанное указывает на то, что *при использовании синтетической стратегии дискретизации* в процессе осмысления текста информант находится под влиянием контекста: использует фиксированные синтаксические конструкции, сохраняя при этом даже авторскую расстановку знаков препинания. Он не рассматривает другие значения слов кроме тех, что представлены в тексте, он не реализует иные валентности слов.

Аналитизм (максимальная дискретность) проявляется у 3 информантов в членении семантического пространства на 13, 14 и 16 микротем. Данные информанты выделили следующие микротемы:

13 микротем (1 информант, Ии. К.М.)

Описание старухи (большая, бокастая, ходит, валенки, тёплая, стёганая безрукавка, лицо, крупное, желтоглазое, космы, толстые седые волосы, восемнадцатый век, приехать издалека).

Описание родины (лес темен, дремуч, снега выше вековых сосен, ехать, лубяные санки, кубастые лохматые коньки, тулуп, лазоревый, крашенный холст, стоячий, аршинный).

Еда, пища (чай, сахар, вода, чёрный хлеб, солёный огурец, селёдка).

Хвори (порча, трясовица).

Природа, погода (лес, снег, мороз, солнце, звезда).

Годы, цифры (восемнадцатый век, семьдесят семь лет, это года не велики, наш родитель, до ста дожил).

То, что старуха любит (Русь, свой, край, слово сжечь, бог)

Что она боится, не любит (муж, большевики, ту, что порчу напустила)

Что она ест, пьёт (горячая вода, чёрный хлеб, селёдка, солёный огурец)

Что она не ест, не пьёт (чай, сахар).

Населённые пункты (Москва, Русь, северный край).

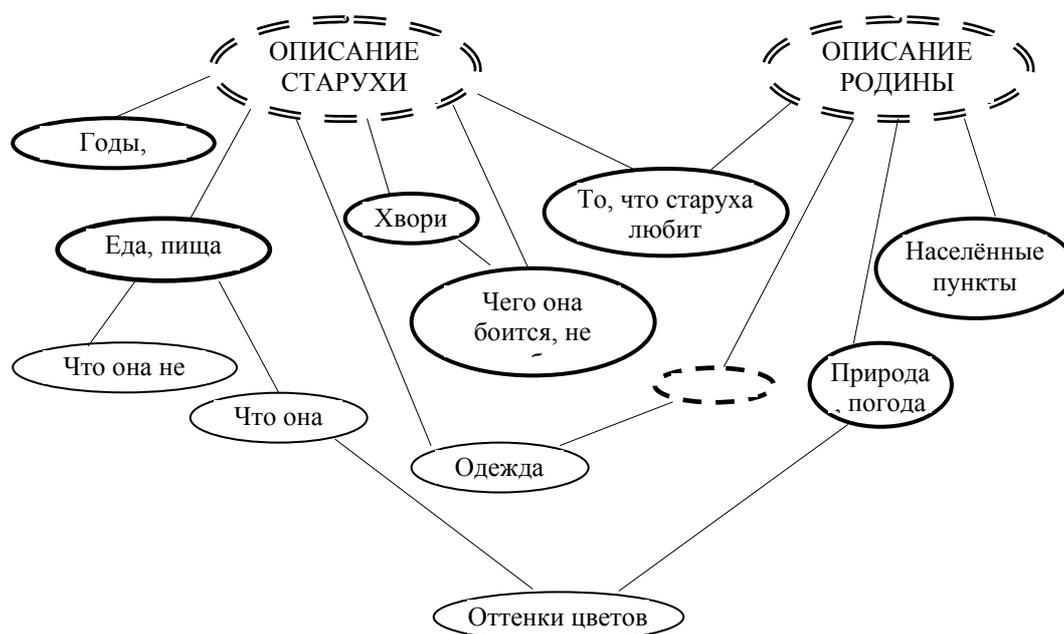
Оттенки цветов (чёрный, лиловый, кумачовый, золото, зелень).

Одежда (шапка, тулуп, валенки, безрукавка).

При аналитическом способе членения (13-16 микротем) подобное количество микротем обусловлено более детальным рассмотрением центральных образов рассказа *Образ старухи* и *Рассказы о родине* (проявились такие микротемы как *То, что старуха любит*, *Что она ест, пьёт*, *Природа, погода*, *Еда, пища* и др. Появление данных микротем позволяет сделать предположение об иерархической организации семантического пространства текста информантами-аналитиками.

Рассмотреть организацию семантического пространства при аналитическом способе членения можно при помощи построенной нами модели.

Рисунок 1. Модель аналитического способа членения семантического пространства текста И.А. Бунина «Русь» (реакция Ии. М.Е.)

Примечание. На рисунке 1 используются следующие обозначения: двойными линиями отмечены микротемы, репрезентирующий первый уровень иерархии, жирными – второй, обычными – третий. Пунктирными линиями обозначены микротемы, воссозданные в процессе моделирования.

Данная модель была построена на основе слов, репрезентирующих микротемы в реакции Ии. К.М. Связи семантических компонентов модели были обнаружены на основании контекста. Например, в микротеме *То, что*

старуха любит информант выделил слова, относящиеся к описанию родины (Русь, свой край и т.д.), и описанию старухи, поэтому компонент модели *То, что старуха любит* имеет связь с компонентами *Описание старухи* и *Описание родины*. Некоторые слова, которые информанты выделяли в микротеме *Одежда*, относятся к описанию явлений, не выделенных в отдельную микротему (например, шапка, тулуп). Данные слова являются описанием людей, то есть они связаны с микротемой *Описание родины* опосредованно. Поэтому был введён незаполненный сектор модели (на рисунке 1 такие компоненты обозначены пунктиром). При помощи данной модели можно судить об иерархическом членении семантического пространства информантами – аналитиками. Основными «сегментами» членения семантического пространства являются *Описание Старухи* и *Описание родины* – это элементы первого уровня иерархии. Другие микротемы (*Хвори, Годы, цифры, Еда*, т.д.) относятся ко второму уровню, потому что, так или иначе, являются описанием элементов первого уровня, микротемы *Что она ест, Одежда, Оттенки цветов* – к третьему по тому же принципу, при этом в некоторых случаях *Оттенки цветов* является элементом четвёртого уровня

Представляет интерес также и *порядок* выделения микротем информантом.

1. Информант выделяет микротемы, связанные с описанием образа старухи (которое находится в начале текста).

2. Информант выделяет микротемы, связанные с описанием природы и людей, что также связано с композиционным строением текста.

3. Информант максимально членит выделенные микротемы

4. Информант выделяет микротемы, которые связывают несколько микротем.

Таким образом, мы наблюдаем смешанный способ дискретизации смыслового пространства текста. Сначала информант выделяет основные микротемы текста, при этом выписывая достаточно большое количество слов), затем максимально членит эти микротемы, и затем осуществляет попытку синтезировать элементы семантического пространства текста, выделяя «сквозные» микротемы – микротемы, которые связывают несколько микротем.

В отличие от синтетического способа членения семантического пространства, при котором все слова к микротемам были выписаны в той форме, в которой они даны в тексте, слова, репрезентирующие большинство микротем при аналитическом способе членения, даны в начальной форме (*Еда, Природа, погода, что она боится, не любит* и др.), что свидетельствует об отрыве от контекста.

Результаты изучения аналитической и синтетической стратегий членения семантического пространства дают основания полагать, что использование данных стратегий имеет свои особенности: для информантов-синтетиков характерна минимальная расчленённость понятийной сферы, в отличие от аналитиков, которые, обращают особое внимание на признаки

явлений, выделяя их, пытаются установить иерархические связи между компонентами семантического пространства; при осмыслении отдельных компонентов аналитики в большинстве случаев членят семантическое пространство исходя из собственного (не обусловленного контекстом) опыта, в то время как дискретизация синтетиков основана на контексте.

Литература:

1. Белоусов, К.И. Синергетика текста: от структуры к форме: монография [Текст] / К.И. Белоусов. – М.: Эдиториал УРСС, 2008. – 248 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
3. Бунин, И.А. Окаянные дни: Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения [Текст] / И.А. Бунин. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1992. – 319 с.
4. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс [Текст] / Дж. Лайонз. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
5. Рубакин, Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию / Н.А.Рубакин. – М.: Изд-во Книга, 1977. – 264 с.
6. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций [Текст] / Л.В. Сахарный. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
7. Сорокин, Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность / Ю.А. Сорокин // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Отв. ред. Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1982. – С. 61-74.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ласица Л.А.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Тексты публицистического стиля отличаются своеобразием характеристик, поскольку логическая последовательность в изложении фактов, развернутость высказывания, тенденция к стандартности сближает их с текстами научного и официально-делового стилей; тогда как, эмоциональность, образность, использование разговорных и книжных элементов языка являются характерными чертами художественного стиля и разговорной речи. Особенность текстов публицистического стиля состоит в совместном употреблении языковых элементов, свойственных текстам разных функциональных стилей [Брандес; Гальперин; Кожина и мн. др.].

Это в полной мере справедливо и при выборе средств выражения категории времени, так как проведенный нами ранее анализ русскоязычных газетных статей выявил, что лексико-грамматические модели времени, свойственные публицистическим текстам, отличаются сложной структурой. Они объединяют в себе наибольшее количество темпоральных маркеров, образующих как универсальные для русского текста в целом, так и свойственные только текстам данного стиля пары и кластеры временных маркеров [Ласица].

Задача данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть особенности темпорального пространства английских публицистических текстов, что позволит нам выявить наиболее типичные, для языка на котором они созданы, характеристики реализации категории времени.

В качестве материала исследования выступили 300 газетных статей новостного характера на английском языке. Источником материала стали on-line версии известных английских газет и таблоидов: The Times, The Telegraph, The Daily Telegraph, The Sunday Telegraph, The Daily Mirror, The Express, The Sun.

На первом этапе работы во всех текстах отмечались параметры наблюдения, т.е. лексические и грамматические маркеры категории времени, входящие в предложенную нами классификацию.

Блок грамматических средств с темпоральной семантикой включает в себя систему временных форм глагола (настоящее, прошедшее, будущее время; временные формы модальных глаголов (мод. глагол¹)); неличные формы глагола (причастие); предложные конструкции без семы времени (имеющие в своем составе слова, не содержащие семы темпоральности (пр. + сущ. (без семы времени))); предложные конструкции с семой времени (включающие лексемы со значением времени (пр. + сущ. (сема времени))); временные союзы (союз).

¹ В дальнейшем мы будем использовать данные сокращения на приводимых ниже моделях.

Список лексических средств выражения категории времени включает в себя следующие параметры: существительные с темпоральной семантикой (названия временных единиц и их частей (временная единица); названия определенных отрезков времени (опред. отрезок); названия неопределенных отрезков времени (неопред. отрезок); названия частей суток (часть суток); названия времен года (время года); названия месяцев (месяц); названия дней недели (день недели); названия длительных временных периодов по отношению к данному моменту (длительный период); слова, обозначающие возрастной период или период развития (возраст); названия праздников (праздник); существительные, не имеющие прямого временного значения (непр. вр. знач. сущ); прилагательные со значением времени, выступающие в тексте в качестве определений в именных группах (прилагательные, выражающие длительность временного отрезка (длительность); прилагательные или порядковые числительные, выражающие последовательность временных отрезков (последовательность); прилагательные, выражающие расположение во времени (расположение во времени); прилагательные, выражающие соотношенность с временным отрезком другого порядка (соотношенность с другим порядком); прилагательные, выражающие соотношенность с возрастом (соотношенность с возрастом); прилагательные без прямого временного значения (непр. вр. знач. прил)); исторические имена (например, Henry VIII (имя)); глаголы с семой времени (лекс. знач. глагола); наречия со значением времени (наречие).

Были получены количественные данные способов репрезентации (по всем параметрам) категории времени в тексте, представленные затем в табличном виде. Качественный анализ материала на предмет выявления грамматических и лексических маркеров установил, что все 100 % текстов эксплицировали категорию времени, т. е. отсутствие текстов с нулевой темпоральностью (полное отсутствие каких-либо способов выражения категории времени) – это одна из типичных черт темпорального пространства английского газетного текста.

Проведенная с помощью компьютерной программы «Statistica» процедура факторизации материала позволила выявить два фактора (группы текстов, имеющих схожие распределения параметров репрезентации времени). В первую группу вошли 147 текстов (49 % от общего объема материала), ко второму фактору относятся 144 текста (48 %). 9 газетных сообщений (3 %) не вошли ни в один из двух факторов. Внутри каждого фактора с помощью метода корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи временных параметров.

Каждую из двух установленных стратегий формирования темпорального пространства английского текста мы представили в виде лексико-грамматической модели, применив при этом метод графосемантического моделирования [Белоусов]. Графосемантическое моделирование при исследовании функционирования различных способов выражения категории в тексте позволяет перевести количественные значения связи между временными маркерами в качественно-количественные показатели системно-структурной значимости каждого репрезентанта.

Под лексико-грамматической моделью времени понимается модель организации временного пространства текста, рассматриваемая с позиций категориальной выраженности времени. Этот тип моделей используется для описания системы закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи лексико-грамматических единиц с временным значением, отражающей особенности организации темпорального пространства текста.

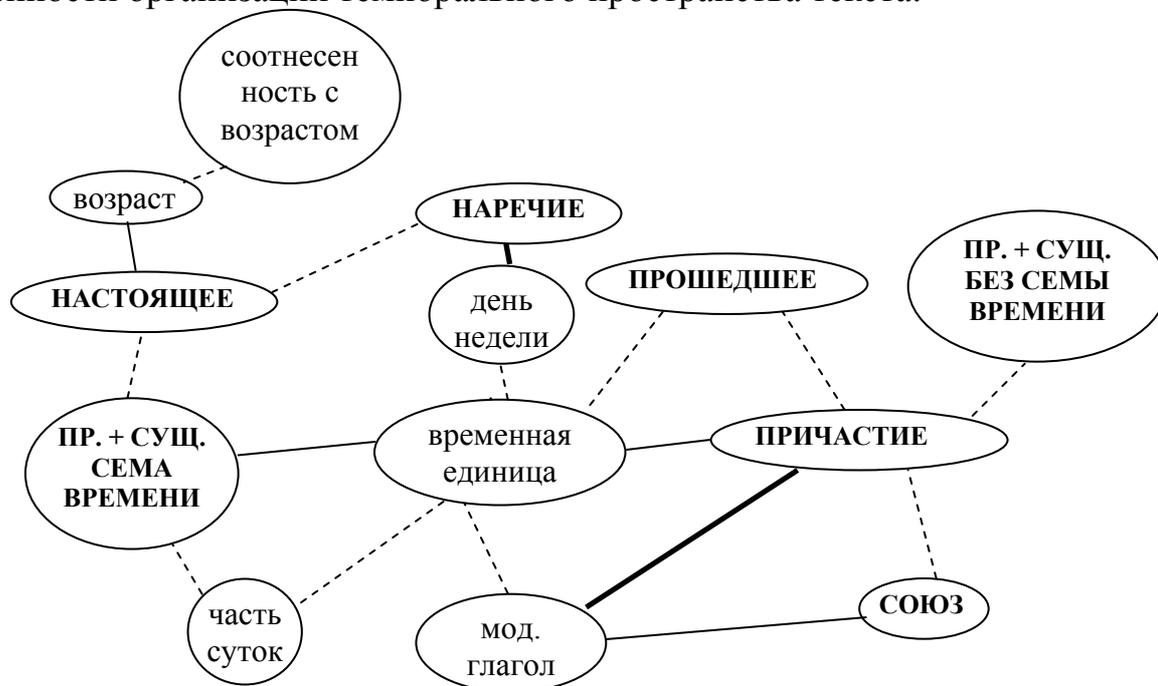

Рисунок 1. Лексико-грамматическая модель времени в английских текстах первого фактора

На рисунке 1 изображена лексико-грамматическая модель темпорального пространства первого фактора, объединившего 147 текстов. Структура модели формируется 13 компонентами, семь из которых являются неслучайными элементами, поскольку показатели частотности этих маркеров превысили порог значимости (на рисунке они обозначены прописными буквами). К этому типу компонентов относятся грамматические маркеры *настоящее время*, *причастия*, оба вида *предложных конструкций*, *союз*, *наречия* и наиболее частотный маркер данного фактора *прошедшее время*. Показатель частотности, а также относительной частоты (8 случаев в тексте) характеризуют его как структурообразующий компонент темпорального пространства первого фактора.

В составе модели грамматический репрезентант *прошедшее время* не маркирован большим количеством корреляционных связей из-за значительной разницы с показателями частотности других маркеров. Сравним, относительная частота *настоящего времени* – 3,3 глагола в тексте, *союзов* и *наречий* – по 1,3 случая употребления. Установленная связь *прошедшего времени* и *причастия* обусловлена фактом выделения в английском тексте абсолютного и относительного типов грамматического времени, первое из которых обычно выражено личной формой глагола, а второе (относительное время), как правило, причастием. Категория времени как таковая у причастий отсутствует:

«они неспособны помещать действие в тот или иной временной отрезок, они указывают лишь соотношение времени обозначаемого ими действия с действием глагола-сказуемого – одновременность или предшествование ему» [Иванова : 80].

A couple walking at 10:00 am on Loo beach noticed the bag in the sand, the female leaned forward to observe its content and witnesses stated, was instantly killed alongside her partner as the bomb detonated.

Приведенный отрывок является примером совместного употребления нескольких темпоральных маркеров. Глаголы в прошедшем времени *noticed, leaned stated, was killed, detonated*, описывают ряд последовательных событий; наречие *instantly*, представляющее качественную характеристику действия; временной союз *as*, вводящий придаточное предложение времени *as the bomb detonated*.

Практически половина маркеров, в составе данной модели являются репрезентантами лексического способа выражения времени. Только показатель *временного наречия* преодолел порог значимости. Все остальные маркеры случайны, но их присутствие в данной модели необходимо, как и во всех описанных ранее лексико-грамматических системах, поскольку их основной функцией остается создание фона, на котором разворачиваются основные действия, представленные частотными показателями грамматического времени.

Рисунок 2. Лексико-грамматическая модель времени в английских текстах второго фактора

Система лексико-грамматических репрезентантов, изображенная на рисунке 2 практически совпадает с предыдущей по числу маркеров и по составу модели. В группу неслучайных, значимых для данного фактора способов также попали грамматические маркеры *настоящее* (относительная частота – 7,5 глаголов в тексте²), *прошедшее время* (2,8), *временные наречия*

² Здесь в скобках указывается показатель относительной частоты.

(1,1), причастия (0,8), будущее время (0,8), временные формы модальных глаголов (0,7). Очевидно, что наиболее частотным маркером в 144 текстах второго фактора выступает *настоящее время*. В одном контексте с глагольными формами этого типа могут употребляться глаголы всех временных планов.

Структура данной модели не может быть охарактеризована как устойчивая, потому что маркеры слабо связаны между собой, что свидетельствует о незначительной вероятности употребления всех компонентов данной модели в одном тексте.

Примером модели второго фактора может служить следующий текст:

Burger King Sink is Not a Bathtub. Some Burger King employees in Xenio, Ohio, have been fired after they made a video of themselves taking baths in a BK sink which was posted on YouTube. The BK manager was filmed smiling at the antics. Since this episode, the sink has been sanitized two times, and the local health department is investigating if criminal charges can be filed. A customer stated: "I don't want to eat here after I heard something like that, that's just not appropriate for employment».

Наиболее частотным маркером темпоральности в данном тексте выступают *глагольные формы*, относящие повествование к разным временным планам: настоящего и прошедшего (*is investigating, don't want, that's, have been fired, can, has been sanitized*), что соответствует приведенной выше модели. Помимо временных глагольных форм, грамматический способ выражения времени в рассматриваемом примере представлен *причастиями* (*taking, smiling*) и темпоральными союзами (*Since, after*). Таким образом, грамматические маркеры разных типов в ситуации полного отсутствия лексических репрезентантов образуют временной каркас данного текста.

Таким, образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы об особенностях реализации категории времени в английских публицистических текстах:

1. Отсутствие нулевой темпоральности является типичной чертой англоязычных газетных текстов.

2. Категория времени выражается как лексическими, так и грамматическими маркерами.

3. Англоязычному газетному тексту свойственно значительное численное преобладание грамматических маркеров темпоральности над лексическими.

4. Темпоральное пространство текстов публицистического стиля реализуется в виде двух лексико-грамматических моделей времени, каждая из которых имеет свойственные ей особенности и отражает закономерности, являющиеся общими.

5. Функции, выполняемые темпоральными репрезентантами двух типов в составе моделей, различны – грамматические компоненты имеют структурообразующую нагрузку, лексические маркеры реализуют функцию создания фона.

6. Наиболее характерными парами темпоральных маркеров выступают следующие: *прошедшее время – временное наречие; настоящее время – временное наречие; настоящее время – причастие; прошедшее время – причастие; настоящее время – предложная конструкция с семой времени; предложная конструкция с семой времени – временная единица.*

1. Белоусов, К.И. Применение метода графосемантического моделирования в лингвомаркетологии [Текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2005д. – № 8. – С. 40 – 46.

2. Брандес, М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник [Текст] / М.П. Брандес. – М.: Прогресс – Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

3. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1958. – 460 с.

4. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка [Текст] / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

5. Ласица, Л.А. Модели времени в публицистике [Текст] / Л.А. Ласица // X научно-практическая конференция молодых ученых. Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: РУДН, 25 апреля 2008 года. – М.: Флинта : Наука, 2008. – С. 172 – 178.